

Том
Джим

Мальчик
Джим

До шестнадцати и старше

Тони Эрли
Мальчик Джим

«Издательство АСТ»

2000

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Эрли Т.

Мальчик Джим / Т. Эрли — «Издательство АСТ», 2000 — (До шестнадцати и старше)

ISBN 978-5-17-115593-3

В американской литературе немало произведений, в равной степени интересных для читателей всех возрастов. Их хочется перечитывать снова и снова. Дебютное произведение Тони Эрли достойно продолжает эту классическую традицию, начатую Марком Твенем в саге о Томе Сойере и Геке Финне и продолженную Харпер Ли в «Убить пересмешника» и Рэем Брэдбери в «Вине из одуванчиков». 1930-е годы – время Великой депрессии для Америки. Больше всего страдают жители американского Юга – в том числе Северной Каролины, в которой вырастет главный герой романа Тони Эрли – Джим. Мальчик, который никогда не видел отца, умершего за неделю до его рождения, вовсе не чувствует себя одиноким в большой дружной семье, состоящей из матери и трех ее братьев. Джим, живущий в тихом городке Элисвилле, растет и сам не замечает, как потихоньку переплетается история его маленькой и неприметной пока еще жизни с историей своего времени и страны.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115593-3

© Эрли Т., 2000

© Издательство АСТ, 2000

Содержание

Пролог	6
Книга I. Мальчик, у которого день рождения	7
Завтрак	7
Рабочий день	9
Неожиданный подарок	14
Крестины	19
После ужина	22
Джим с битой	24
Книга II. Джим уезжает из дома	26
Океан	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тони Эрли Мальчик Джим

Саре Калифорния

«Нравится мне здесь в сарае», – сказал Уилбур.

«Люблю все, что связано с этим местом».

Э. Б. Уайт. «Паутина Шарлотты»

Tony Earley
JIM THE BOY

© Tony Earley, 2000

© Перевод. М. Панфилова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Пролог

*Мистеру Эймосу Глассу
Линз-Маунтин, Северная Каролина
16 июня 1924*

Дорогой мистер Гласс.

С тяжестью на сердце пишу я вам сегодня, ибо сына вашего, Джима Гласса, двадцати трех лет отроду, господь забрал к себе. Немногим более недели тому назад Джим ушел утром работать на хлопковое поле, но в полдень домой не вернулся. Там же в поле мой брат Эл нашел его, уже мертвого. Доктор сказал, что у него не выдержало сердце, но он недолго страдал. Я знаю, что и мать Джима умерла так же и в молодом возрасте. Это очень прискорбно, что вам приходится получать второй раз в жизни такую новость. Я искренне вам сочувствую.

Как вам известно, Джим был женат на моей сестре Элизабет, которую все знают как Сисси. Она переживает смерть Джима особенно тяжело и сейчас чувствует себя плохо. Так как вы последние несколько лет с Джимом жили порознь, она попросила меня не писать вам сразу, а подождать, пока его похоронят, и я уважил ее просьбу, ибо она супруга умершего. Так же, в соответствии с ее желанием, мы похоронили Джима по христианскому обряду, в том самом поле, где он упал. Заказали соответствующий камень на место его последнего пристанища, а также ограду, чтобы отделить могилу от внешнего мира. Мне очень жаль, что вам не представилась возможность уладить те разногласия, которые были у вас с Джимом. Я любил Джима как родного брата и благодарю господу за то драгоценное время, когда он, будучи членом нашей семьи, жил с нами. В эти печальные дни я также часто вспоминаю те случаи, когда мог бы проявить более терпения и доброты, чем тогда выказывал. Молюсь сейчас о том, чтобы умирая он не держал против меня зла на сердце.

Но пора гнать печаль прочь!

Я сегодня пишу вам, чтобы поделиться и другой, чрезвычайно радостной новостью. Сисси родила вчера сына, вашего внука, которого в память об отце назвала Джимом Глассом. Джим замечательный ребенок, с хорошим весом, желтыми волосиками, и легкие у него – будь здоров! И хотя в нашем доме сейчас царит скорбь, появление Джима напомнило нам, что жизнь продолжается и, по велению господу, нам должно трудиться, даже когда мы в печали и не понимаем Его судьбоносного плана. Каждый крик Джима – это призыв к каждому из нас делать все, что в наших силах. Это еще и напоминание о любви нашего Спасителя. (Насколько тяжелее было бы наше горе, не будь с нами Джима!) Как я уже ранее упоминал, Сисси не очень хорошо себя чувствует, и в таком состоянии в настоящий момент не может принимать посетителей. Надеюсь, что в будущем наступит тот момент, когда вы встретитесь со своим внуком и он облегчит ваше горе так же, как сейчас наше.

Мистер Гласс, я клянусь вам, что мы будем воспитывать Джима в кругу нашей семьи и постараемся, с божьей помощью, вырастить его таким, каким хотел бы видеть его отец. Джим был добрым человеком, хорошим христианином, работал не покладая рук. Он – часть нашей семьи, он был и вашей частицей, и, пока сын его ходит по этой земле, имя его не будет забыто.

Надеюсь, что письмо это найдет вас в добром здравии и та радость, которую оно содержит, облегчит горе, которое вы переживаете в данный момент, тяжесть которого трудно себе представить.

*Искренне ваши,
Зино Макбрайд (шурин Джима)*

Книга I. Мальчик, у которого день рождения

Завтрак

Нечто, подобное чуду, произошло в эту ночь: возраст Джима стал обозначаться двузначным числом. Когда он ложился спать, ему было девять, а проснулся уже десятилетним. Казалось, эта цифра имела свой вес, и его Джим расценивал как подарок. Теперь у него, как и у родных дядей, возраст имел две цифры. Он улыбнулся, потянулся, вдохнул свежий утренний воздух и уловил запах очага, аромат печеного хлеба, прохладный речной запах росы. Нечто, не похожее на утренний свет, заглянуло в окно комнаты, а некто, не похожий на темноту ночи, уставился на него во все глаза. Уставшего от пения сверчка сморил сон: он работал всю ночь. Джим поднялся, чтобы встретить поджидавший его день.

Мама Джима открыла заслонку кухонным полотенцем. Мама была высокой, бледной, привлекательной, со стройной белой шеей. Хоть ей не было еще и тридцати, она носила черную длинную юбку, которая принадлежала когда-то ее матери. Из-за этого наряда она не казалась старше, но люди, находившиеся с ней в комнате, вели себя скованно. Им казалось, будто эта женщина сошла с какой-то старинной фотографии. В те дни, когда мама надевала эти длинные одежды, Джим придерживал вторую дверь, ту, что с сеткой от насекомых, чтобы она не хлопала.

– Ну вот и он, – сказала мама. – Мальчик, у которого день рождения.

Сердце Джима мгновенно взлетело, совсем как клочок бумаги при дуновении ветра, и тут же опустилось на землю. Любовь к матери дополнялась соперничеством, которое – и Джим чувствовал это – не оставляло его никогда. Со смертью отца в матери что-то надломилось, и исправить это было невозможно. Она тянула за собой тяжесть постигнутого ее горя, как волочат плуг. Дяди, женщины в церкви, люди в городе давно уже отказались от попыток уговорить ее оставить этот плуг там, где он лежит. Вместо этого они привыкли просто переступать борозды, которые этот плуг оставлял, либо проходить между ними. Джим знал только одно: маме тяжело, и он играет в ее горе определенную роль. Когда она наклонилась над ним, чтобы поцеловать щеки ее пахли сиренью так сладко и в то же время так грустно, как свежеперевернутая земля когда-то в церковном дворе.

– О, Джимми, – сказала она, – как это так получилось, что тебе уже десять лет?

– Я и сам не знаю, мама, – ответил Джимми. Он и по правде не знал. Был так же изумлен этим фактом, как и она. Вот он уже прожил десять лет. А отца его, которого тоже звали Джим Гласс, вот уже десять лет и неделя как нет в живых. Было о чем поразмыслить до начала завтрака.

Мама вынула из печи хлеб и положила его в соломенную корзину. Джим понес корзину в столовую. Дяди сидели у длинного стола.

– А это кто такой? – спросил дядя Корэн.

– Не знаю, – отозвался дядя Эл.

– Кто бы он ни был, – заметил дядя Зино, – выглядит он забавно.

– Вы ж все знаете, кто я, – сказал Джим.

– Не стал бы этого утверждать, – ответил дядя Корэн.

– Я Джим.

– Это как это? – удивился дядя Эл.

– Да ладно вам, – сказал Джим.

Дяди Джима были высокими, худощавыми мужчинами, широкоплечими, с большими руками. Каждое утро они все вместе съедали две дюжины лепешек, омлет из дюжины яиц и

тарелку ветчины. После этого они пропускали по кружечке черного кофе и высокому стаканчику парного молока.

– Эти лепешки ты там взял? – спросил дядя Зино.

Джим кивнул.

– Тогда присаживайся.

Во всем, что Джим ни делал, он старался подражать дядям. Он поедал лепешки и яйца до того момента, когда начинал понимать, что его может стошнить. Когда дядя Зино в конце концов заметил: «Не хватит ли тебе наворачивать, Док?» – Джим опустил вилку, будто получил на то разрешение.

Дядя Зино был старшим дядей Джима. Ему перевалило за сорок. Дяди Корэн и Эл были близнецами. Каждый из них клялся, что не похож на другого, хотя, ясное дело, это было неправдой. Они выглядели абсолютно одинаково, если не знать их как следует. Но даже те, кто знал, случалось путали их. Никому из дядей не казалось смешным, что они жили в одинаковых домах. Дяди Эл и Корэн построили их, когда еще были молодыми, но, как и дядя Зино, так никогда и не женились. В большинстве комнат у них и мебели-то не было; кухонная плита имелаась только в доме у дяди Зино.

Мама Джима готовила и стирала на всех. Когда она сказала, что это для нее слишком трудно, дяди наняли еще одну женщину ей в помощь. Дядя Корэн заправлял продуктовой лавкой и хлопкоочистительной машиной. Дядя Эл управлялся на фермах. Дядя Зино работал на фермах вместе с дядей Элом и по утрам в воскресенье запускал мельницу. Будучи главой семьи, он присматривал за всеми остальными. Время от времени дяди злились друг на друга, и на несколько дней дядя Эл и дядя Корэн удалялись в свои дома сразу же после ужина. Там они и сидели, каждый у своего очага, каждый на своем крыльце, и советовались сами с собой, пока гнев не утихал. Хотя в общем-то все в семье ладили друг с другом, так что грубые слова непривычно резали ухо Джиму, все равно как гимн, сыгранный не в том ключе.

Джим похлопал себя по животу:

– Теперь я продержусь до обеда, – сказал он.

– Ты основательно подкрепился, – сказал дядя Корэн.

– Понятно, – сказал Джим, – мне ж теперь десять лет.

– Ну-ну, – проговорил дядя Эл.

– Я тут подумал, что мне пора уж выходить на работу вместе с вами, – заявил Джим.

– Гм, – сказал дядя Зино.

– Я подумал, может, я буду полезен. Смогу рыхлить кукурузу.

– Мы вообще-то принимаем помощь только из надежных рук, – заметил дядя Зино. –

На тебя можно положиться?

– Да, сэр, – ответил Джим.

– И ты не боишься работы?

– Нет, сэр.

– Что скажете, ребята? – спросил дядя Зино.

Дяди Эрл и Корэн посмотрели друг на друга. Дядя Корэн подмигнул.

– Думаю, он подойдет, – сказал дядя Эл.

– Тогда давайте попробуем, – отозвался дядя Зино.

Рабочий день

После завтрака дядя Корэн пошел открывать лавку. Джим поехал в поле на грузовике с дядей Зино и дядей Элом. Он стоял в кузове грузовика и смотрел поверх крыши кабины. Одной рукой он придерживал соломенную шляпу, а другой держался за борт грузовика. В этот ранний час мир вокруг казался сотворенным заново, еще не завершённым; воздух, все еще сладкий от росы, казался новым изобретением. В низине у реки среди деревьев бродили еще призраки тумана. Шоссе вело прямо к восходящему солнцу; но стоило только солнцу оторваться от дороги, как оно сразу отделилось и от них. Небо за какой-то миг, который Джим не смог и заметить, так быстро он прошел, – окрасилось в синий цвет, будто пробуя его впервые и сомневаясь, понравится ли такой цвет всем. И Джим рассмеялся, сам не зная почему.

У берега реки их встретили пятеро чернокожих мужчин, которые выполняли полевые работы. Они жили в лесу на холме за новой школой. Работники подошли к грузовику и без лишних слов взяли мотыги из кузова. Джим выхватил себе самую новую мотыгу. Ее черенок был еще блестящим, лак с него еще не слез, а лезвие еще не тронута ржавчиной. Дядя Зино покачал головой.

– Эту, друг, ты отдай-ка Аврааму, – сказал он.

У Авраама были седые волосы. Он помнил еще тот день, когда солдат сказал ему, что он свободен. Большинству людей, что жили на холме, он приходился отцом или дедом. Джиму не хотелось отдавать Аврааму свою мотыгу.

– Я хочу эту мотыгу, – сказал Джим.

– А я вот эту, – предложил Авраам и взял из кузова последнюю. Черенок ее был наполовину отломан. Все остальные мотыги уже разобрали.

– Эта для Джима, – сказал дядя Зино. Он взял новую мотыгу у Джима из рук, а Авраам передал Джиму мотыгу с разбитой ручкой. Джим понимал, что лучше сейчас промолчать.

– Что ж, пройдемся мотыгами, – сказал дядя Зино.

– К обеду ты будешь радоваться, что взял эту, – сказал Авраам. – Она хорошая и легкая. Джим все еще злился.

– Мне сегодня десять лет, – сказал он.

– Вот это да! – ответил Авраам.

Вместе с дядями и работниками Джим пошел по влажной траве в дальний конец к кромке поля. Трава промочила насквозь штанины комбинезона; они холодно липли к ногам. Мужчины друг за другом выходили из ряда и вставляли с расчетом, чтобы за каждым осталось по две полосы. Каждый пройдет один ряд до конца, а потом вернется назад по другому ряду. Тогда каждый из них возьмет еще по две полосы. Так они взрыхлят все поле. Джим взял себе две борозды рядом с дядей Зино.

Дядям кукуруза была по колено, а Джиму доходила почти до пояса. Поле занимало тридцать акров. Чтобы все его прополоть и взрыхлить, потребуется несколько дней. А после того, как они закончат, дядя Эл придет с мулами и культиватором и пройдет плугом по междурядьям. Тогда уж не останется никакой травы и сорняков, и ничего не будет мешать росту кукурузы. И в конце лета будет что продавать, и что размолоть в муку, и чем накормить мулов.

Дядя Зино встал на борозду Джима. Щеки мальчика вспыхнули. Он почувствовал, что все работники смотрят сейчас на него.

– Вот так делай, старик, – сказал дядя Зино. Лезвие мотыги пускаешь под стебель, а потом тянешь на себя. Так ты кукурузу не повредишь.

– Я знаю, как мотыжить, – сказал Джим.

– Покажи! – отозвался дядя Зино.

Джим разрубил мотыгой маленький кустик травы. Лезвие ударило прямо по стеблю кукурузы. Кукуруза стала медленно падать, почти как дерево. Джим услышал, как засмеялись рабочие.

– Вот тебе и одна галка, – проговорил дядя Зино.

Дядя Зино никогда не порол Джима, но мальчик всегда опасался, что такое может случиться. Дядя Зино вел счет галочкам, которые касались Джима, и говорил, что заносит их в специальную книгу. Когда Джим совершал какой-нибудь хороший поступок, он объявлял, что стер одну галку или две. Как подсчитал Джим, для полного баланса иногда оставалось стереть всего одну или две галочки.

– Все из-за этой мотыги, – сказал Джим. Конец рукоятки сломанной мотыги был как копьё острый.

Дядя Зино опустил на колени и посмотрела Джиму в лицо.

– Джим, – сказал он, – у меня нет времени на то, чтобы спорить с тобой по поводу мотыги или выслушивать твои объяснения. Что ты хочешь: помогать мне или отправиться домой?

– Я хочу тебе помогать, – ответил Джим.

– Ну хорошо. Тогда смотри.

Дядя Зино резко подрубил мотыгой пучок травы, с которым не справился Джим. Трава свободно поддалась, и он бросил ее в междурядье.

– А теперь ты сделай так же.

Джим поддел маленький росток клевера.

– Вот и хорошо, – заметил дядя Зино. – Оказывается, мотыга здесь ни при чем.

Дядя Зино вернулся на свою полосу. Работники и дядя Эл уже были заняты делом. Дядя Эл – немного впереди остальных. Ни один из дядей не любил, когда его хоть в чем-то обходили. Да и Джим не любил проигрывать. Он решил, что к концу поля обойдет Авраама. Тогда, может быть, дядя Зино после обеда отдаст сломанную мотыгу Аврааму. А может, он отправит Авраама домой.

Не поднимая головы, Джим старательно прополол землю в своем ряду вокруг первых десяти стеблей кукурузы. Сорняки и траву он складывал в аккуратные кучки. На десятом стебле он наткнулся на пучок травы, который не хотел поддаваться мотыге. Джим встал на колени и потянул его вверх обеими руками. Трава не поддавалась. Он воткнул под траву острую часть рукоятки и использовал ее как рычаг. Мальчик проталкивал ее под траву до тех пор, пока корни сами не выскочили с отрывистым звуком. Джим поднял пучок травы в воздух, как трофей. Так поднимают большую рыбу. К корням прицепился кусок земли размером с кошку. Джим огляделся, не наблюдает ли кто за ним, но никого не было. Он вообще никого не увидел, пока не разогнулся. И дяди, и работники ушли вперед на сотню ярдов и продолжали медленно удаляться. Дядя Эл был впереди всех. За ним по пятам рыхлили полосы дядя Зино и Авраам. Джим обернулся и посмотрел на начало своего ряда. До него можно было доплюнуть. Он посмотрел в другом направлении, вдаль, на конец ряда. До перелесков вдоль реки, казалось, было так же далеко, как до луны. А дяди, хоть и ушли далеко от Джима, обработали менее четвертой части поля. Джим не представлял себе, как он сможет пройти свой ряд до конца, не говоря уж о соседнем. Мальчику стало ясно, что он пустился в путешествие, которое не сможет завершить. Внутри у него сгустились тучи, и он готов был разрыдаться.

Сам факт, что он готов расплакаться, разозлил Джима. Он пошел в атаку на поле, будто рубил мотыгой змей. Джим наносил удары почти вслепую – и по этому сияющему утру, и по траве, и по клеверу, и в ярости своей срубил еще один стебель кукурузы. Рыдание, поджидавшее своей очереди где-то в животе, вырвалось из горла и на секунду повисло в воздухе тихим, бессвязным звуком, который услышал один лишь Джим.

Дяди и работники шли все дальше и дальше, на ходу работая мотыгами. Джим решил, что если дядя увидит еще один срубленный стебель кукурузы, то ему несдобровать. Сама мысль

о том, что дядя Зино на него разозлится, была невыносима. Джим встал на колени и вырыл в земле руками небольшую ямку. Он воткнул в нее конец стебелька и прикопал его землей. Потом утрамбовал землю ладонями, чтобы стебель стоял ровно.

Джим поднял мотыгу и почесал нос тыльной стороной ладони, а ладонь вытер о штанину. Ему стало спокойнее. Он решил, что поработает до обеда. Как можно уйти раньше, мальчик себе плохо представлял, зато знал, что после обеда дядя Зино не заставит его идти в поле, если он сам этого не захочет.

Джим бросил камешек на то место, где начал работу. Мальчик часто так делал, чтобы замерять расстояния. Хотелось видеть, как много он прополот. Однако камешек оказался плоским и слишком легким и улетел немного в сторону. Джим поискал вокруг и нашел другой камень. Не так-то просто найти хороший камень для бросания среди этой рыхлой земли в низине у реки. Мальчик бросил три или четыре камня и с удовлетворением отметил, что не может докинуть камень до того места, откуда начал работу. Стало казаться, что он все-таки продвинулся вперед.

Подняв мотыгу, Джим заметил, что она по длине почти как бейсбольная бита. Он схватил ее рукоятку чуть выше лезвия и прокрутил пару раз, практикуясь. Найдя подходящий камень, он подбросил его вверх и ударил по нему рукояткой мотыги. Вот вам и первый страйк¹.

Из-за лезвия удар получился неудачным. Только после двух взмахов Джим попал по камню, и тот улетел вправо за границы поля. Фол-бол².

Он бросил еще три камня, прежде чем получил удовлетворительный результат, и вновь вернулся к сорнякам, что росли в поле.

Под ногами Джим увидел камень, похожий на наконечник стрелы. Он выкопал его мотыгой, но обнаружил, что камень утолщен книзу и округлен у основания; он был похож на наконечник стрелы. Джим всего один раз нашел каменный наконечник стрелы, а вот дяди часто их выкапывали и приносили Джиму. Больше всего везло дяде Корэну. Стоило ему выйти в поле, как он обязательно возвращался с находкой. А когда дядя Корэн был мальчиком, он даже нашел каменный нож. Он хранил его в коробке из-под сигар на каминной полке у себя в спальне и не собирался отдавать его Джиму. Джим боялся, что до того, как он научится находить каменные наконечники, дяди подберут их у реки. Дядя Зино его успокоил, сказав, что всегда можно будет выкопать еще: каждый раз, когда поле вспахивают плугом, на поверхности появляются все новые и новые находки.

Джим внимательно изучил камень, который держал в руке. Может, кто-то только начал делать наконечник стрелы. Сам он не был уверен, но у дяди Корэна об этом можно будет спросить за обедом. Он много знает о том, как жили индейцы. Дядя Корэн рассказывал, что индейцы разводили костер, ударяя два камня, один о другой. Джим собрал небольшую кучку сухой травы и нашел еще один камешек подходящего размера. Он поднес камни близко к траве и стал ударять один о другой, пока не появились искры. Однако трава не загоралась. Джим никак не мог понять, как же индейцы могли таким образом разжигать костер. Также он не мог себе представить, как индейцы делали каноэ из коры деревьев, умудрялись близко подкрадываться к оленю, чтобы убить его стрелой из лука. Джиму всегда хотелось быть индейцем, но ковбоем стать проще. Он не умел ходить бесшумно в лесу, разжигать костер, ударяя камни друг о друга. Ковбои по крайней мере пользуются спичками и ружьями. Правда, они еще должны уметь оседлать быка на родео. Джим не знал, хватит ли у него когда-нибудь духу оседлать быка. Ему стало казаться, что он никогда ничего не достигнет. И конец поля стал казаться еще дальше, чем когда он смотрел на него недавно.

¹ По правилам бейсбола, бьющий получает страйк (от *англ.* strike), если он проигнорирует правильно брошенный (пролетающий в страйк-зоне) мяч. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² Если бьющий попадает по мячу, но при этом мяч вылетает за границы поля (линии фола) или падает в поле, но выкатывается за его пределы между домом и первой или третьей базами, то засчитывается фол-бол (от *англ.* foul ball).

Джим чувствовал, что комбинезон его пропах потом. Он потрогал материал штанины тыльной стороной ладони. Джинсовая ткань была горячей на ощупь. Джим сел на корточки. Солнце – маленькое и белое, а небо совсем утратило краски; на нем ни птиц, ни облаков. Глядя на солнце, Джим постарался определить время. Попытка не увенчалась успехом, хоть он и смотрел на солнце сколько мог вытерпеть. Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь было так жарко, как сегодня. В грузовике было ведро воды, но Джим знал, что до тех пор, пока ты не вернешься к началу поля, закончив вторую полосу, пить не полагается. Дяди не любили тратить время на ходьбу. И они, и работники уже повернули обратно и продвигались навстречу Джиму. Правда, они были еще довольно далеко, но Джим понимал, что, если он пойдет к грузовику, они это увидят. Из-под его шляпы вытекли две струйки пота, и он стоял и ждал, куда они проложат свой путь. Одна побежала прямо к глазам, а другая скатилась по щеке. В рот залетел комар. Джим его выплюнул. Потом он снял шляпу и стал обмахивать ей лицо, но от комаров это не помогало.

– Чем это ты здесь занимаешься, Док? – спросил дядя Зино.

Джим подскочил. Он даже не заметил, как тень дяди Зино закрыла солнце в том месте, где он сидел на корточках.

– Смотрю на этого богомола, – ответил Джим.

– Он тебя укусил?

– Нет.

Джим сбил жука богомола со стебля кукурузы и разрубил его надвое мотыгой. Теперь он острием рукоятки тыкал в обе половинки.

– Богомолы поедают других жуков, Джим, – сказал дядя Зино. – Если уж тебе захотелось кого-то убить, убей кузнечика. Кузнечики едят кукурузу.

– Да, сэр, – сказал Джим.

Он присыпал две половинки богомола землей. Не прибавится ли еще одна галка в списке дяди Зино, подумал Джим.

– Ну что ж, – сказал дядя Зино. – Давай посмотрим, как ты тут управляешься. – Осматривая землю, он прошел к началу полосы Джима. – Ты пропустил здесь много вьюнков, – заметил он, разгребая почву по пути. – Если их не вырвать, они, прежде чем добраться до кукурузы, заполонят все поле.

Дядя Зино дошел до стебля кукурузы, который Джим срубил, а потом воткнул в землю. Он долго стоял и смотрел на стебель. Потом он его вытащил и, обернувшись, посмотрел на Джима. Очень уж высокий был этот дядя Зино. Джим раньше даже не замечал, какой он на самом деле высокий.

– А с этим что случилось? – спросил дядя Зино.

– Не знаю, – ответил Джим.

– Ты не знаешь, – повторил дядя Зино.

– Нет, сэр, – отозвался Джим.

– Но ты знаешь, что теперь он не вырастет.

Джим кивнул.

– Тогда зачем же ты воткнул его назад в землю?

– Не знаю, – отозвался Джим.

– Ты не знаешь.

– Нет.

Дядя Зино поднял кукурузный стебель как скипетр, чтобы Джим рассмотрел его получше и ответил на заданные вопросы.

– Джим, все остальное, до того самого момента, как ты постарался скрыть это, было всего лишь ошибкой, – сказал он. – Но, как только ты скрыл ошибку, появилась ложь.

Джим смотрел на свой комбинезон. Он почувствовал, как слеза сбежала по его щеке. Он поспешно ее смахнул, надеясь, что дядя Зино ничего не заметил.

Дядя Зино отбросил стебель, будто то была грязь; так отбрасывают что-то постыдное.

– Ты часто мне лгал, Джим?

– Нет, – сказал Джим.

– Мне нужно сомневаться в тебе, в том, что ты мне говоришь правду? У меня никогда не было таких сомнений... так мне пора начать сомневаться?

Джим отрицательно покачал головой. Второй раз выговорить «нет» он просто не мог.

– Так в чем же тогда дело? – спросил дядя Зино.

– Я нехорошо себя чувствую, – ответил Джим.

– Ты болен?

Джим пожал плечами.

– Тогда иди домой, – сказал дядя Зино.

Джим посмотрел в сторону реки на свой ряд. Ему вдруг захотелось закончить работу.

Дядя Зино жестом указал в направлении города.

– Иди, – сказал он. – Если ты болен, тебе нельзя находиться на солнце.

– По-моему, я смогу остаться до обеда.

– Нет, иди домой и скажи маме, что ты заболел.

Джим слегка всхлипнул. Так всхлипывает скаут, когда понимает, что это не поможет.

– Давай, давай, – настаивал дядя Зино.

У края дороги Джим обернулся и оглядел поле. Дядя Зино пропалывал оставленную Джимом полосу. Работники, заканчивая свои полосы, подходили к реке. Дядя Эл все время шел впереди всех. Он уже второй раз за это утро доходил до реки и работал так, будто и не собирался останавливаться.

Неожиданный подарок

Джим шел домой через поля и пастбища. На всем пути он даже не попытался вспугнуть зайчат, прятавшихся в высокой траве оставленного под покос поля. А сняв туфли и переходя ручей, мальчик не стал выслеживать среди камней золотистых рыбок. Он не стал искать среди камней раков и весенних ящериц. Джим особенно любил держать в руке маленьких ящериц и наблюдать, как бьются у них внутри, под бледной тонкой кожей, их крошечные сердечки. И щелкающие клешни свирепых раков ему тоже нравились. Но сегодня он просто перешел на ту сторону ручья, за которой начинался городок, надел туфли и продолжил свой путь. Когда Джим обогнул маленькую полянку в лесу, где стоял нежилой теперь дом, в котором когда-то мать его жила вместе с отцом, он не бросил камень в жестяную крышу и даже не поднялся на скрипучее крыльцо, чтобы заглянуть внутрь через грязные окошки.

В городке Джим обошел стороной дома, в которых жили дяди. Раннее его появление встревожило бы маму. Она непременно уложила бы его в кровать, положила руку ему на лоб, чтобы проверить, нет ли лихорадки. Иногда она заставляла его носить куртку, даже когда на улице было тепло. Она была против того, чтобы он пошел в поле, и согласилась только, когда дяди пообещали не спускать с него глаз. Дядям часто приходилось спасать Джима от ее нежной заботы.

Джим с облегчением отметил, что Элисвилл в эти долго тянущиеся предполуденные часы почти безлюден. Собаки, которые при появлении Джима могли бы залаять или завилать хвостами, спали в круглых углублениях, которые вырыли себе в прохладной земле под крыльцом. Мужчины и ребята, которые могли бы быть поблизости в любое другое время дня, ушли работать. И Джим знал, что женщины готовят сейчас обед для тех самых мужчин, которые придут домой с поля. Городок под солнцем затих и прижался к земле, будто между домами пересеклись прочные нити паутины и привязали их к ней.

Единственной персоной, оказавшейся в поле зрения, был Пит Хант – смотритель с железной дороги. Пит был маленького роста, с большими усами. Он сидел на крыльце железнодорожной станции и читал журнал. Детей Пит не очень-то любил. Если кто-нибудь из них заглядывал в окно грузового отделения, когда Пит сидел на телеграфе, он затягивал шторы. Иногда Пит разрешал Джиму рыться в угольных кучах в поисках ископаемых останков, а бывало, что он сходил с крыльца и прогонял Джима прочь. С Питом ничего никогда нельзя было знать наверняка. Хотя ни разу не бывало, чтобы Пит прогонял его с угольной кучи, когда он приходил туда еще с каким-нибудь мальчиком. Пит посмотрел на Джима поверх журнала.

– Привет, – сказал Джим.

Пит кивнул в ответ, но ничего не сказал. Он поднял журнал повыше, чтобы не видно было его глаз. Когда Джим был совсем маленьким, Пит проводил электропроводку в домах дядей. Почти целый месяц, пока продолжалась работа, мама и Пит, можно сказать, жили вместе с ним в одном доме, но и тогда Пит за все это время почти не разговаривал.

Джим медленно шел по Вокзальной улице по направлению к складу, хотя встречаться с дядей Корэном ему тоже не очень-то хотелось. Не хотелось вдаваться в объяснения. Он уставился в землю, рассматривая оставленные на ней следы, но тоже без особого интереса. Именно сегодня у Джима не появлялось и мысли о том, что он хочет что-то сделать, или об игре, в которую он хочет поиграть, о месте, где ему хочется побывать. Джиму было жаль самого себя, потому что день рождения его оказывался таким невеселым. Не хотелось даже смотреть, куда укатился камешек, который он только что пнул.

Джим был у входа в отель, когда из открытого окна на втором этаже его окликнул Уайти Уайтсайд. Отель находился в непримечательном кирпичном здании, где останавливались коммивояжеры или бригады проводников, поджидавшие свой поезд. Сам Уайти Уайт был ком-

мивояжером в «Гавенор Фидз». Он получал заказы на продукты и семена, которые дяди продавали в своей лавке. Его настоящее имя было Ральф, но он утверждал, что коммивояжера с именем Уайти забыть труднее, чем такого же с именем Ральф. Уайти нравился мальчику, потому что он всегда носил в кармане куртки леденцы и всегда угощал Джима. Дяди говорили, что Уайти Уайтсайд был честным – они никогда не покупали продукты и семена у других коммивояжеров.

– Эй! – прокричал из окна Уайти Уайтсайд. – Привет, Джим Гласс!

Джим посмотрел вверх на окно отеля. Он даже чуть-чуть улыбнулся, но тут же вспомнил, как он сегодня несчастен.

– Привет! – ответил Джим. – Привет, Уайти Уайтсайд.

– Куда собрался? – спросил Уайти.

– Да никуда, – ответил Джим.

– Тогда задержись на минутку, – попросил Уайти. – Видишь ли, я тоже никуда не собираюсь.

Заслышав шаги Уайти Уайтсайда на лестнице отеля, Джим дождался, пока тот покажется на улице. Уайти был худощав и высок, такой же как его дяди. Темно-русые волосы уже начали сесть, но он расценивал это как положительный момент, даже несмотря на то, что был еще молод. Седые волосы у молодого мужчины вкупе с именем Уайти сделают его еще более напоминающим.

– Что это с тобой приключилось? – спросил Уайти. – У тебя все лицо в грязи.

– Я работал мотыгой вместе с дядями в кукурузном поле, – ответил Джим.

– Вот это хорошо, Джим, – заметил Уайти. – Тяжелый труд мужчине на пользу. От него волосы на груди вырастают. – Он пристально посмотрел на Джима. – Но знаешь, что... Тебе нужно в кармане носить бандану и протирать лицо банданой, а не голой рукой. И тогда, если ты наткнешься по дороге домой на симпатичную девочку, лицо твое не будет замазано грязью.

Джим пожал плечами. Уайти Уайтсайд ему нравился, но иногда он не знал, что ему ответить. Уайти разговаривал с Джимом так, будто Джим уже взрослый. Он даже как-то попросил Джима называть его Уайти, а не мистер Уайтсайд.

– А в общем, – сказал Уайти, – не думаю, что это имеет большое значение.

Джим опять пожал плечами и посмотрел на свои руки. Он вытер их о штанины и потом засунул в карманы.

Уайти Уайтсайд всегда носил костюм и крахмальную белую рубашку. Еще он всегда носил большие шляпы с твердыми полями: фетровые – зимой и соломенные, бело-снежно-белые, – летом. Джим подумал, что Уайти Уайтсайд, должно быть, богат.

– Я хотел сказать, – пояснил Уайти, – что для симпатичной девушки, наверное, важнее, есть ли у мужчины хорошая работа, где он трудится как следует, следит, чтобы все было в порядке, – чем есть ли у него грязь на лице. Ты как считаешь?

– Я не знаю, – ответил Джим.

Джим и Уайти постояли на улице, как-то слишком долго ничего друг другу не говоря.

– Дяди сегодня отправили меня домой немного пораньше, – сказал Джим. – Все равно ведь скоро уже обед.

– Я вижу, – сказал Уайти.

Джим внимательно рассматривал свой собственный след на земле. С одной стороны, где кончалась подошва, видны были отпечатки ногтей. Он и сам чувствовал, что ногти вылезали из ботинка. Они его совсем не беспокоили, пока он не начал о них думать. Он пошевелил пальцами.

Уайти достал часы из кармана и посмотрел на циферблат так, будто впервые его увидел.

– Смотри-ка, – сказал он, – до того, как подъедет мой поезд, еще осталось немного времени. Может, поднимемся на холм и посмотрим новую школу?

Уайти преодолевал все расстояния с помощью поездов – на них он объехал всю Северную Каролину. Ездил он даже на «Каролине Мун» – самом новом, быстром пассажирском поезде в юго-западном направлении железной дороги. Эта «Мун» не останавливалась в Элисвилле.

– Хорошо, – сказал Джим. – Думаю, можно сходить посмотреть.

Новая школа в Элисвилле была самым большим двухэтажным зданием, выстроенным из красного кирпича. Кроме нее кирпичным в городе был только отель, но он выглядел узким и грязным и имел невзрачный вид. Располагалась новая школа на холме, словно крепость, и ее было видно из любого места в Элисвилле. Здание строили, как казалось Джиму, с незапамятных времен и планировали закончить этой осенью. Джим и Уайти прошли по грязной улочке прямо к школе.

– Ха! Вот это здание! Правильно я говорю, Джим! – сказал Уайти.

Джим ничего не ответил. Он переживал по поводу перехода в новую школу. В старой, в которую мальчик ходил с первого класса, было всего две комнаты. Джим знал всех, кто туда ходил. Даже ребят из старших классов. Но с открытием новой школы все другие в окрестностях Элисвилля закроются, и дети из них будут ходить в новое здание. Они будут приезжать в город на автобусах. Даже те, что с гор, с Линз-Маунтин, перейдут в новую школу. Джим частенько встречал этих ребят с гор с их отцами в лавке. Они так на Джима пялились, будто уже заранее его за что-то ненавидели. Да и они ему не нравились. У Джима дедушка жил в Линз-Маунтин. Джим его никогда не видел и не думал, что когда-либо вообще увидит. Мама не разрешит. Джим немного побаивался идти в школу с детьми, которые могут знать его дедушку, но он никому об этом не говорил.

Джим остановился в конце школьного двора, а Уайти Уайтсайд поднялся по ступенькам и попробовал открыть широкую входную дверь. Она была заперта.

– Надо же! – сказал Уайти. – А я думал, мы сможем войти.

Уайти спустился по ступенькам и подошел к ближайшему окну. При его росте он мог заглянуть внутрь. Сдвинув назад шляпу, он приблизил лицо к стеклу, загородив свет с боков ладонями, и заглянул внутрь.

– Похоже, это кабинет директора, – сказал он. – Нужно тебе постараться туда не попадать, Джим. Хочешь посмотреть, как он выглядит?

Джим покачал головой. Ему не хотелось заглядывать в кабинет директора. В его старой школе вообще не было директора. Всего две учительницы – и обе хорошие. Уайти прошелся вдоль здания и остановился у другого окна.

– А вот здесь, наверное, класс, – проговорил он. Потом заглянул внутрь и присвистнул. – Такого ты еще не видел, парень! Иди же, посмотри!

Джим опять отрицательно покачал головой.

– Ну давай же! Ничего плохого не случится, если ты просто посмотришь в окно!

Уайти сцепил ладони и опустил руки. Джим встал на них, как на ступеньку, и Уайти его поднял. Джим прижался лицом к стеклу. Оно было теплым, нагретым солнцем. Эта школа выросла у него на глазах, но внутрь он раньше никогда не заглядывал. Первое, что бросилось ему в глаза, это отсутствие нормального потолка. Были видны балки, поддерживающие второй этаж.

– Что там такое на потолке? – поинтересовался Уайти.

– Да там нет потолка, – ответил Джим.

– Ты же понимаешь, о чем я говорю, – сказал Уайти.

– Электрическое освещение, – ответил Джим.

– У тебя теперь электрическое освещение, – заметил Уайти.

Дяди говорили о том, что в Элисвилл проведут электричество как раз к открытию новой школы, но у Джима были сомнения на этот счет. Электричество подводили к городку уже не первый год, но никак не могли подсоединить к электростанции в Нью-Карпентере. Джиму хоте-

лось пойти в школу с электрическим освещением, но он не позволял себе радоваться раньше времени.

– Ты только посмотри, какого размера эта доска! – сказал Уайти. – Сколько там места, чтобы решать задачи по арифметике! А когда до алгебры дойдешь, тебе не придется беспокоиться, что места не хватает.

Кроме ламп и доски, в комнате больше ничего не было. Не было еще ни парт, ни картин на стенах. Джим отодвинулся от окна, и Уайти опустил его на землю.

– Это ж надо, Джим, – сказал Уайти, – ты станешь таким умным, что, не знаю даже, как сможешь с этим справиться...

– Дяди собираются учить меня геометрии, – заметил Джим. – Они хорошо в ней разбираются.

– Они – мужчины знающие, – сказал Уайти серьезно. – Делай то, что они говорят, и все будет хорошо. Тут и сомнений быть не может.

Джим и Уайти развернулись и направились назад в город. С вершины холма им был виден почти весь Элисвилл. На крыльце у станции Пит Хант встал, потянулся и осмотрел улицу с обеих сторон. Дядя Корэн вышел из хлопкоочистки и зашел в лавку. Скоро он запрет лавку и пойдет в дом дяди Зино обедать. Из кухонной трубы поднимался дымок. Дядя Эл и дядя Зино вернутся с поля и расскажут дяде Корэну и Джиминой маме о том, что произошло сегодня утром. Джим почувствовал, как что-то холодное, как лягушка, заползло ему внутрь. Поверить, что в поле ему стало плохо, может только мама. Дядям нечего будет сказать – им будет стыдно за Джима. Последнее место, куда хотелось сейчас идти Джиму, это высокие дома на Заводской улице.

Внезапно Уайти хлопнул его по руке.

– Эй, – сказал он, – похоже, я слышал, что у кого-то сегодня день рождения! А ты ничего не слышал на этот счет?

– Не знаю, – ответил Джим. – А что вы слышали?

– По-моему, я слышал, что какому-то мальчугану сегодня исполнилось десять лет.

– Думаю, что это про меня, – проговорил Джим так, будто признался в преступлении.

– Так это про тебя?

– Ага.

– Не может быть! Десять лет. Тебе уже что-нибудь подарили?

– Не-а.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что мама и дяди тебе ничего не подарили на день рождения?

До этого Джим не задумывался о том, что такое возможно. Даже если дяди ему что-то и приготовили, то теперь они ему ничего не подарят. А если у мамы и был для него подарок, то почему бы ей не отдать его за завтраком?

– Думаю, что нет, – сказал Джим.

Лягушка у него внутри стала забираться по позвоночнику наверх к шее.

– Это ужасно, – сказал Уайти. – Чтобы у тебя был день рождения и тебе исполнилось десять, – а это уже возраст! – и тебе не подарили ни одного подарка. Слышал ли ты когда-либо что-нибудь хуже?

Джим кивнул. Ему не хотелось плакать перед Уайти, но, казалось, этого не избежать.

– Что ж, – сказал Уайти, – придется нам что-то предпринять. Подожди минутку.

Он остановился посередине улицы. Порылся в карманах брюк и вытащил полбрикетика жевательного табака.

– Ты жуешь? – спросил он.

– Не-а, – ответил Джим.

– Гм, – изрек Уайти. Он порылся в карманах куртки и извлек маленький блокнотик. – Может, тебе нужно что-то записывать в записной книжке?

Джим покачал головой.

– Я так и думал, – отозвался Уайти.

Он залез в другой карман и пошарил там как следует. Когда рука его вылезла из этого кармана, в ней оказался новенький бейсбольный мяч.

– А этот как тебе? – спросил он. – Пойдет в дело?

Джим затаил дыхание.

– Это мне? – спросил он.

– Ну, если ты умеешь им пользоваться, – сказал Уайти.

– Я умею им пользоваться! – воскликнул Джим. – Я умею! Умею!

– Хорошо, – сказал Уайти. – А то мне уже надоело везде его носить с собой. И карман из-за него оттягивается. Я купил его на Рождество для моей бабушки, да у нее нет биты.

Он передал мяч Джиму.

– Спасибо, Уайти, – проговорил Джим.

Он смотрел на бейсбольный мяч в своей руке, как будто тот был сделан из золота. Его старый бейсбольный мяч дома был тяжелым, как пушечное ядро. Один раз он случайно забыл его под дождем, а потом не решался попросить, чтобы ему купили другой. Но этот мячик был абсолютно новенький, белее, чем шляпа у Уайти. Джиму казалось, что он может забросить его на милю. Он подбросил мяч в воздух. Уайти подпрыгнул и поймал мяч прежде, чем тот полетел вниз.

– Так ты уверен, что умеешь им пользоваться? – переспросил он.

– УАЙТИ! – закричал Джим.

– Ну хорошо, – сказала Уайти, – я просто проверил. Он вернул мяч Джиму, и они вместе стали спускаться с холма.

Крестины

Когда после полудня дяди пришли домой, Джим не сказал ни слова о бейсбольном мяче, который подарил ему Уайти Уайтсайд, потому что у него зародилось подозрение, что говорить об этом было бы не к месту. За едой дяди и мама разговаривали мало. По поводу того, что произошло сегодня в поле, никто не сказал ни слова. Джим решил, что бейсбольный мяч нужно будет спрятать в сарае и пусть он там лежит, пока Уайти Уайтсайд не вернется в город. А тогда он его ему вернет.

– Хорошее сегодня было утро, правда Элли? – заметил дядя Зино.

– И, как мне кажется, мы с толком его провели, – заметил дядя Эл.

Дядя Зино размешал кусочек масла в яблочном коблере, который мама приготовила на десерт. Джим еще раньше заметил, что пирога она не испекла.

– Похоже, ты здесь сделал больше, чем мы все вместе взятые, – заметил дядя Зино.

– Не то чтобы я такой проворный, – отозвался дядя Эл. – Это просто вы все нерасторопные.

– Было время, да ты и сам знаешь, когда я не думал, что из тебя фермер получится.

Дядя Эл обернулся и внимательно посмотрел на дядю Зино. Он очень ценил себя как фермера. Дядя Корэн говорил, что дядя Эл не мог пройти мимо, чтобы не вырвать выюнки, залезшие на фермерский столб.

– Ну и когда же это было? – спросил дядя Эл.

– Это когда вы с Корэном крестили тех самых цыплят.

– Да брось ты, Зи, – сказал дядя Эл. – Нам ведь тогда по четыре года было. Хоть когда-нибудь ты про это забудешь?

– Ан нет! – возразил дядя Зино. – Выпороли-то за это меня! К тому же вам было уже пять. Это случилось тем летом, когда меня крестили. И мне исполнилось тогда двенадцать. Вы посмотрели – и вам пришла в голову такая идея.

– Мы тогда были совсем маленькие! – настаивал дядя Эл. – Мало что понимали.

– Это все Элли тогда придумал, – сказал дядя Корэн. – Он был пастором. А я всего лишь дьяконом. Моим делом было только подавать ему цыплят. А он окунал их в бочку с дождевой водой.

– Дурачки вы все были маленькие! – сказал дядя Зино. – Сисси еще тогда не родилась, а то она бы тоже вам помогала. Тоже была хороша: вечно за вами ходила по пятам и влипала во все ваши неприятности.

– Они же мои старшие братья, – ответила мама Джима. – Я никогда не думала, что они могут что-то сделать неправильно.

Дядя Зино фыркнул.

– Да ты и половины не знаешь! – сказал он. – В общем, Джим, у нас была такая маленькая курочка и у нее большой выводок цыплят. Двенадцать, должно быть.

– Тринадцать, – поправил дядя Эл.

– Тринадцать, – отозвался дядя Зино. – Так вот, этот самый Эл, он и Корэн, видели, как меня крестили там, внизу у реки, и на них это произвело впечатление. В то лето крестили семерых или восьмерых из нас. А Корэн и Эл стояли на берегу и за всем этим наблюдали, и все слушали, и в их маленьких головах зародилась идея.

И вот в одно воскресное утро, вскоре после того, как меня крестили, Корри и Элли вдруг куда-то исчезли, и мама наказала мне их найти. Ну и, когда я их нашел, они были во дворе за сараем – крестили цыплят.

Цыплята у них были в корзине для персиков, и Корэн лез в корзину, доставал их по одному и передавал Элу. А Эл совал их в бочку с дождевой водой. Потом он передавал цыпленка Корэну, а Корэн выуживал из корзины еще одного, сухого.

– Мы думали, что они нуждаются в спасении, – сказал дядя Корэн. – Мы хотели, чтобы они попали на небеса.

– Прямо туда они и отправились, – сказал дядя Зино. – Когда я пришел, вы почти всех утопили – один только остался. Я попробовал дуть им в клювики, чтобы их спасти, но Эл слишком долго продержал их под водой. Утонули безвозвратно.

– Ну вот, и тогда вы оба поняли, что натворили, и оба разревелись. Вы плакали и умоляли меня не рассказывать про вас. Все понимали: если мама узнает, что вы умили всех цыплят, она разозлится и выпорот вас как следует... И тогда я – мне не хотелось, чтобы вас выпороли! – взял всех этихдохлых цыпляток, унес их за коптильню, выкопал там ямку и всех их закопал. И взял с вас обещание, что вы не расскажете.

– А в беду мы попали очень просто: папа увидел, как я выхожу из-за коптильни с мотыгой. Не успели мы оглянуться, как он вошел в дом с цыплятами. Направился он прямо ко мне, а я-то к этому не имел никакого отношения, но было уже поздно. Он спросил: «Зино, что ты знаешь об этих мертвых цыплятах?» Я ответил, что нашел их в бочке с дождевой водой, ведь это было недалеко от истины. Тогда он спросил: «Зино, а как эти цыплята попали в бочку из-под дождевой воды?» Я ответил, что не знаю.

Он сказал: «Ты не знаешь».

Я повторил: «Не знаю».

– И вот тогда малыш Элли и малыш Корри – невинные крошки! – больше не выдержали и разревелись вовсю. Они рассказали папе, как крестили цыплят в бочке с дождевой водой и как те утонули.

– Папа постоял с минуту и сказал Корэну и Элу: «Мальчики, я не собираюсь вас пороть, потому что вы маленькие и не знали, что хорошо, а что плохо, но больше уж никогда не суйте цыплят в бочку с дождевой водой». А потом он обратился ко мне: «Зино, я не собираюсь тебя пороть за то, что ты закопал цыплят за коптильней, потому что ты помогал братьям, – и это похвально. Но за то, что ты мне соврал, – я тебя выпорю».

– И что было дальше? – спросил Джим.

– Он вывел меня во двор, и я такую взбучку получил, что за всю жизнь ничего подобного не припомню, – сказал дядя Зино. – И больше я ему никогда не врал.

– А мы больше никогда не крестили цыплят, – сказал дядя Корэн.

– Что правда, то правда, – заключил дядя Эл.

– Итак, Джим, – сказал дядя Зино, – в результате Эл стал довольно хорошим фермером, если вспомнить о том, как он начинал.

– По крайней мере, мы должны благодарить судьбу, что он не стал пастором, – отозвался дядя Корэн.

– Это уж точно, – согласился дядя Эл. – Пришлось бы мне стать методистом, чтобы не топить людей³.

Мама поднялась и начала собирать со стола посуду.

– А где была мама-курица, когда все это происходило? – спросила она.

– Мы заперли ее в курятнике, – сказал дядя Корэн. – Она чуть нас не заклевала. Пришлось нам вооружиться палками, чтобы ее туда загнать.

– Она потом весь день искала своих цыплят, – сказал дядя Эл. – По всему двору искала.

– Грустная история, – заметила мама.

– И что с ней было потом? – спросил Джим.

³ В методистской церкви нет таинства крещения. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Не помню уже, – ответил дядя Зино. – Думаю, мы ее съели.

После ужина

Пока мама управлялась с делами, дяди покачивались в своих высоких креслах-качалках на крыльце дома дяди Зино. Джим сидел на верхней ступеньке, подперев руками подбородок, и думал о том, что день подходит к концу. Солнце опустилось совсем низко, но его лучи еще отражались в окнах новой школы. Скоро в низовье реки появятся длинные синие тени. Светлячки зажгут свои огоньки в вершинах деревьев, застрекочут цикады и раскричатся древесные лягушки. У ограды козодой подаст голос, прислушается и позовет опять, и откуда-то из глубины травы кузнечики ответят ему своей низкой, грустной песней. Летучие мыши, хлопая крыльями, будут выбирать новую траекторию своего странного полета в багровеющем небе. Сумерки в Элисвилле – самое очаровательное время суток, но Джиму не хотелось, чтобы солнце садилось и заканчивался его день рождения. Все сегодня пошло не так. Он разочаровал дядей и теперь не хотел ждать целый год до следующего дня рождения, чтобы все исправить.

– Что-то мне становится прохладно, – сказала мама. – Пойду возьму свитер.

Она поднялась и исчезла в доме. Джим так углубился в свои раздумья, что и не заметил, как она вновь оказалась рядом с ним.

– Джим, – сказала она. – Эй, Джим!

Джим повернулся и посмотрел вверх. У мамы в руках был шоколадный торт. Свечи на нем уже горели. Она нагнулась, чтобы Джиму было лучше видно. В его глазах засветилось отражение маленьких огоньков.

– С днем рождения, Джим, – сказала она.

Внезапно и все дяди оказались вокруг него.

– Посмотрите-ка на него, – сказал дядя Эл. – По-моему, он не знает, что это такое.

– А что это? – спросил дядя Корэн.

– Это торт Джиму, ко дню рождения, – заявил дядя Зино.

– Ох, – вздохнул дядя Корэн, – а я было подумал, что Сисси загорелась.

Джим сосчитал свечи на торте. Их было десять.

– Джим, – сказал дядя Зино, – неужели ты подумал, что мы про тебя забыли?

– Я подумал, что вы на меня злитесь.

– О, милый мой, не плачь, – сказала мама. – Никто на тебя не злится.

– Я не злюсь на тебя ни капли, Док, – подтвердил дядя Зино. – Даю слово.

– Зино, я же тебе говорила, не надо брать его в поле, – заметила мама.

– Успокойся, Сисси, – тихо проговорил дядя Зино.

Дядя Зино поднял Джима вверх за лямки комбинезона и притворился, будто хочет выбросить его через перила во двор.

– Ну и дурачина же ты, простофиля! – сказал он. – Уж если б мы на тебя разозлились, ты бы сразу это узнал. Правда, Эл?

– Да мы бы за ним с палкой бегали, если б разозлились.

Джим не мог понять, почему он плачет, но остановиться никак не мог.

– Уйти Уайтсайд дал мне бейсбольный мяч, – сказал он.

– Ну вот, – сказал Зино. – Очень любезно с его стороны. Ты его поблагодарил?

Джим кивнул.

– Вот и хорошо. Так тебя воспитали. А теперь давай, вперед: пора задувать свечи.

Джим задул свечи с одного раза.

Интересно, мистер Ральф Уайтсайд раздает бейсбольные мячи всем мальчикам, которых встречает во время своих объездов? – спросила мама.

Дядя Зино быстро и едва заметно покачал головой.

– Джим, – спросил дядя Эл, – можно нам по кусочку твоего торта?

– Думаю, что да, – отозвался Джим.

– Нам не пекли шоколадный торт на день рождения. Правда, Элли? – спросил дядя Корэн.

– Точно, не пекли.

– Ну так пошли в столовую, – пригласила мама.

В столовой, посреди стола, Джим заметил бейсбольную перчатку и бейсбольную биту. Он стоял в дверях и не мог отвести глаз.

– Это – мое? – спросил он.

– Что твое? – переспросил дядя Зино.

Джим указал на стол. Дядя Зино склонился, заглядывая в столовую, и пожал плечами.

– Никогда раньше их не видел, – сказал дядя Корэн. – И вообще, что это такое?

– Перестаньте же! – сказала мама. – Иногда на вас уже терпения не хватает.

Дядя Зино положил руку Джиму на спину и слегка подтолкнул его в столовую. Джим осторожно приблизился к столу, как будто мог спугнуть перчатку и биту, если бы двигался слишком быстро.

– Бита – подлинная, от фирмы «Луисвилл слаггер», – заметил дядя Зино. Возможно, она для тебя немного великовата, тогда тебе придется держать ее немного дальше от узкого конца, пока ты до нее не дорастешь.

Бита и в самом деле была для Джима тяжеловата и более чем на несколько дюймов длиннее, чем нужно. Он взялся руками за рукоятку и пропустил ее между ладоней вниз, так чтобы она по длине стала подходящей для свинга. Древесина была гладкой и прохладной, так тщательно отполированной, что Джим мог уловить в ней собственное отражение.

– Замечательная бита, – объявил он. – Она просто замечательная.

– Ну а теперь перчатка, – сказал дядя Зино. – Это «Роулингз». Я спросил продавца в магазине в Нью-Карпентере, какими перчатками пользуются игроки главной лиги, и он сказал, что «Роулингз». Тебе должно быть легко ловить мячи такой перчаткой.

Перчатка, как и бита, была великовата. Но ни сейчас, ни потом Джим этого не заметил. Толстые пальцы перчатки были сплетены вместе замысловатой паутиной ремешков из грубой кожи; шнурок на запястье прикреплен яркой медной кнопкой. Джим приложил перчатку к лицу и глубоко вдохнул ее запах. То был замечательный, почти забытый запах помещения, где у дядей хранилась сбруя. Джим мог часами просиживать в сарае, пока дяди чинили и смазывали сбрую – одному ему там играть не разрешалось.

Джим смотрел на маму и дядей, будто у него была замечательная история, которую он хотел бы им рассказать, да на беду не мог припомнить, на каком языке они говорят. Все казалось такими счастливыми, словно они сами только что получили биты и перчатку, и только мамыны глаза немного увлажнились.

– Это от всех нас, Джим, – сказала она. – Мы очень тебя любим.

– Говори за себя, Сисси, – сказал дядя Корэн. – Я бы не стал заявлять столь безоговорочно.

– Ну на дурачину-простофилю он потянет, – отозвался дядя Эл.

– Да, не вырос еще из детских штанишек, – сказал дядя Зино. – Но, думаю, он – с нами в одной связке.

Джим с битой

Летнее пастбище в сумерки.

Удар, которым мальчик был бы удовлетворен, никак ему не дается. Хотя соприкосновение с мячом происходит почти каждый раз после свинга, но нанести удар такой силы, какой рисует ему воображение, – не получается. Мяч не летит как ошпаренный в небо, а отпрыгивает в высокую траву, будто испугался какого-то шума. Словно привязанная веревочкой умирающая пчела, он еще слегка гудит, а потом катится к месту досадной остановки.

Дядя Зино подает. После каждого удара мальчика он прослеживает путь мяча до самой травы и без единой жалобы извлекает его каждый раз из нового потайного места. В том, что мальчику мало что удается, он винит себя. Просто бита слишком тяжелая. Он это понимал, когда ее покупал. Просто не хотелось каждый раз покупать новую, потому что мальчик растет. В глубине души он корил себя за то, что погнался за дешевизной.

Дядя Эл и дядя Корэн следили за полем, держась позади брата на невероятно оптимистичной дистанции. В наступавшей темноте лица их было не разглядеть, силуэты – практически одинаковые, разве что дядя Корэн – с бейсбольной перчаткой на левой руке, тогда как дядя Эл, будучи левшой, – с перчаткой на правой. Они выкрикивают слова одобрения каждый раз, когда мальчик делает удар по мячу. Они приветственно сталкиваются кулаками в бейсбольных перчатках, но это исключительно ради племянника: они уже не верят, что мяч долетит до того места на поле, где они стоят. А ближе они не передвигаются, так как мальчик из-за этого расстроится.

У всех троих братьев маленькие перчатки без карманов – старомодные бейсбольные перчатки, которые у них еще с той поры, когда сами они были мальчиками. Рукавичка дяди Эла была сшита для игрока на поле с рабочей правой рукой, но он носил ее не на той руке так долго, что уже этого не замечал. Каждый из дядей с удовольствием сыграл бы в бейсбол, если бы кто-то предложил. Но шли годы, а никто не предлагал. Так они хранили свои маленькие, должным образом смазанные бейсбольные перчатки, как реликвии, считая при этом, что такое предложение дело не банальное, но между тем – неотвратимое.

Мальчик изучает дядю Зино: он видит, как его лицо будто озаряется тихим светом, похожим на свет луны, видимый из-за облаков. Оно меняется – сотнями незнакомых лиц, незнакомых улыбок. И мальчик смотрит, пока глаза его не начинают непрерывно моргать, а ему хочется лишь одного: видеть только, что там, в этом лице.

– Все нормально, Док, – говорит дядя Зино. – Смотри на мяч. Вот он пошел.

Бейсбольный мячик в руке дяди Зино едва виден; кольцо дымка, тень. Леса с той стороны пастбища уже потемнели, заснули. И лишь память подсказывает, что между ними течет, извиваясь, река. Дядя Зино аккуратно бросает мяч в направлении мальчика, который не видит мяча до тех пор, пока тот не описывает арку над темной полосой деревьев, зависая на какой-то момент, словно затмение на отливающем слабым светом небе. У мальчика устали руки. Он отбивает мяч изо всех сил. Бита и мяч едва соприкасаются. Мяч падает на землю у ног мальчика. Мальчик перехватывает битку левой рукой, поднимает мяч правой и опять бросает его дяде Зино.

– Я почти каждый раз его отбивал, – говорит мальчик.

– Баттер, баттер, баттер, баттер⁴, – закричал дядя Эл.

– «Что говоришь ты, что говоришь, что говоришь», – распевал дядя Корэн старинную песенку бейсболистов. Дяди поют для мальчика. Он никогда не слышал ничего прекраснее. Ему не хочется, чтобы это кончалось.

⁴ Этим криком поддерживают игроков бейсбольные болельщики.

– Ладно, Док, – говорит дядя Зино, – еще один мяч. Смотри!

Книга II. Джим уезжает из дома

Океан

Джим и дядя Эл не отправлялись в путешествие до тех пор, пока после ужина жара наконец спала и вечерний воздух пообещал превратить путешествие из трудного – в полное удовольствие. Джим не знал, куда они едут, знал только, что очень далеко. Мама завернула им в вошеную бумагу дюжину бутербродов с ветчиной и приготовила бутылку с водой – целый галлон⁵. За сиденьем грузовика лежал бумажный пакет с парой сменного белья, парой носков и чистой рубашкой для Джима. Дядя Эл заполнил два термоса горячим кофе, а в карман положил пистолет дяди Корэна. Именно пистолет был подтверждением того, что путешествие предстоит серьезное. Обычно он просто лежал в лавке, в ящичке для денег, и появлялся, как редкая и опасная птица, только когда одному из дядей нужно было застрелить змею.

Дядя Эл лишь сказал, что они едут навестить какого-то человека, чтобы выяснить что-то про собаку. Джим знал по собственному опыту, что это не настоящая цель, никакой собаки вовсе и не было, но против таинственной поездки он не возражал. Мальчик никогда раньше не выезжал из Элисвилла дальше тридцати миль ни в каком направлении и считал, что, куда бы ни завела их дорога, ему везде будет интересно посмотреть новые места.

Спустя час после отъезда из дома дорога привела их в Шелби. Для Джима это была та граница на востоке, за которой начинался новый для него мир. Он дважды уже побывал в Шелби и теперь опять видел превосходство этого города во всех отношениях. Шелби отличался от Элисвилла своими мощными улицами, большими крашеными домами с зелеными лужайками, проглядывающими через прохладную тень старых деревьев. В центре города Джима удивило большое количество магазинов, которые, несмотря на темневшее небо, еще работали. Когда они объехали здание суда, он заметил открытые двери и полированные прилавки кафе, торгующих содовой. Представить, что он сидит в таком кафе, Джиму было так же сложно, как представить себя в доме самого короля, и он не просил дядю Эла остановиться.

Когда они опять оказались за городской чертой, среди рыжих холмов, на пути им встретился указатель «На Шарлотт». Как-то раз, в один из субботних дней, перед тем как мама Джима вышла замуж за его папу, дядя Зино возил ее сюда. Она тогда купила себе платье в универмаге. Ездил там на лифтах. Тогда ее чуть не сбил трамвай, цеплявшийся за провода наверху и разбрасывавший блестящие электрические искры. Историю о маминном путешествии в Шарлотт мальчик слушал не один раз.

Джим согнулся, чтобы теплый ветер, со свистом врывающийся в открытое окно, дул ему прямо в лицо. Когда он закрывал один глаз, черная линия, проходившая по краю шоссе, исчезала за передним крылом автомобиля, как будто шина внизу скручивала ее, как веревку. Когда мальчик высовывал голову из окна и смотрел назад, он видел, как эта линия аккуратно разворачивается за ними следом, отмечая пройденный путь. По ней они смогут найти обратную дорогу.

Маленькие, ухоженные фермы, очень похожие на те, среди которых вырос Джим, расположились по обе стороны от шоссе. Они походили на незнакомцев, чьи лица кого-то напоминают. Фермерские дома были некрашенные, поднимались от земли на опорах из красного кирпича. В задней части дома только одно окно освещалось тусклым светом керосиновой лампы. Черные струйки дыма кольцами выходили из труб и, исчезая в темнеющем небе, говорили о

⁵ Галлон воды в Америке равен 3,79 литра.

готовящейся еде. Джим знал, что люди, которые живут в этих домах, садятся сейчас за ужин и говорят о том, как прошел день. Они работали на хлопковых полях, мимо которых они с дядей Элом проезжали. Джим изучающе разглядывал фермы. Каждая из них – как аванпост перед движущейся границей.

В голову Джиму пришли сразу две мысли, и обе они вызывали изумление. Во-первых, он подумал, что «здесь живут люди», и, во-вторых, «они не знают, кто он такой». И в этот миг мир открылся для Джима, словно до этого момента он был закрыт сомкнувшимися над его головой ладонями. Мальчик почувствовал себя маленьким, почти невидимым, на открытом пространстве, среди этих людей, но при этом он понимал, что руки его не отпускают. Это было похоже на полет. Растянувшиеся на дороге полосы стучали под колесами, приговаривая в такт: «Шар – лотт, Шар – лотт, Шар – лотт». Ветер доносил густые запахи; пахло землей, удобрениями, мулами. И это несмотря на то, что они были уже далеко от тех мест, которые для Джима были источниками этих запахов. Он не заметил, как вдруг проговорил: «Вкусно пахнет», – но дядя Эл, очевидно, его не расслышал. Когда они подъехали к Кингз-Маунтин, Джим уже спал.

Громыканье текстильной фабрики в Хэстоне ненадолго прервало сладкий сон Джима. Фабрика была трехэтажной, длиннее поезда. Целый городок Элисвилл запросто мог втиснуться в пространство, окруженное ее кирпичными стенами. Она расположилась с другой стороны тихого пруда зловещего вида, чьи воды без всякого предупреждения исчезали за высокой стеной дамбы. Горевшие ярким светом окна фабрики отражались с пугающей ясностью в черной воде пруда. Машины угрожающе грохотали, перекрывая успокаивающее бурчание грузовика. Джим лег и положил голову дяде Элу на колени.

– Я не хочу туда идти, – сказал он.

– Надеюсь, тебе никогда это не понадобится, – ответил дядя Эл.

Не успел Джим прогнать шум фабрики из своих снов, как дядя Эл уже потянул его за ухо.

– Джим, – позвал он, – просыпайся, Шарлотт.

Джим поднялся и попытался что-то увидеть. Грузовик плыл вдоль тихой реки, по глубокой лощине. Она была полна туманом, из-за которого трудно было что-либо разглядеть. Темными тенями по берегам реки густо росли деревья, а тусклые огни свешивались с их ветвей как поспевшие фрукты. Рядом с ними с сонным видом проплывали трамваи, и Джим надеялся, что грузовик их не разбудит. От реки веяло прохладой, как бывает после дождя на дороге в конце жаркого дня. Джиму захотелось плыть по ней до самого утра, пока туман не высохнет на солнце, и тогда он сможет все разглядеть. Ему хотелось вытащить фонарик с дерева и взять его с собой домой. Мама ничего не рассказывала ему о реке, о деревьях и о фонариках; не говорила, что по улицам Шарлотта проплывают трамваи. Откуда-то с берега реки к нему с добрым словом обратилась лошадь.

Разбудившая Джима тишина показалась громкой, как колокол. Когда он сел, то увидел дядю Эла, стоящего при свете фар, среди темноты всего остального мира. Не было слышно ни звука. Дядя Эл пил кофе и ел бутерброд с ветчиной. За ним простиралась абсолютная тьма, ночь без деревьев, гор и звезд, ничего, что отделяло бы небо от земли. Тьма слилась даже с дорогой за ними. Джим вылез из грузовика и поспешил к свету. Дядя Эл порылся в кармане и, выудив хлеб, протянул его Джиму.

– Где это мы? – спросил Джим.

– Южная Каролина, – ответил дядя Эл. – Не привык к такому, а?

– Нет, сэр.

Воздух был теплый и густой, как пальто, которое невозможно снять. Фары пестрели кошмаром; темноту сотрясало ритмичное стрекотание кузнечиков и цикад.

– А земля здесь хорошая, нечего сказать. Чувствуешь, как она пахнет?

– Да, сэр.

– Я всегда любил запах земли. Хорошую землю я могу отличить по одному запаху. Запахи трав я тоже различаю. Ты знал, что я различаю запахи трав?

– Нет, сэр.

– Травы, долгоносиков, кузнечиков. Все, что угодно. Я могу все узнать по запаху.

– Да, сэр.

– И все-таки мне бы хотелось проснуться. Вот чего мне сейчас хочется.

Дядя Эл снял шляпу и закричал на всю Южную Каролину:

– О, боже! Как бы я хотел проснуться!

Они подождали, но им не ответило даже эхо. Бог спал, была середина ночи. Джим хихикнул.

Дядя Эл опять надел шляпу. Сделал еще один глоток кофе и быстро обернулся к Джиму.

– Ты бы хотел, чтобы у тебя был папа? – спросил он.

Слова укололи Джима, будто они обладали плотью и кровью.

– Мой папа умер, – сказал он.

– Я понимаю, Джим, – ответил Дядя Эл. – Твой папа был хорошим человеком, все бы хотели, чтобы он сейчас был жив. Я имел в виду другое: хотел ли ты когда-нибудь, чтобы у тебя был кто-то еще, как отец?

Никто раньше не задавал Джиму такого вопроса. Мама не позволила бы задавать такой вопрос. Он немного поразмыслил.

– Нет, – в конце концов ответил он. – У меня уже есть три папы.

Дядя Эл внимательно посмотрел на Джима и ничего не ответил. Джим подумал, что он, может, сказал что-нибудь не то, и добавил:

– Ты, дядя Зино и дядя Корэн.

Тишина. Дядя Эл не отвечал. Он даже не постарался изменить выражение лица и не отводил взгляд от Джима. Джим проглотил слюну.

– Знаешь, парень, – сказал дядя Эл, – определенно, в Южной Каролине полно всяких жуков.

Засмеялся он неожиданно – одиночный, резкий звук, похожий на лай.

– Кое-что хочу я тебе сказать, Джим, – заметил он. – Мне не важно, что там говорят. Ты – прав. Ешь же свой хлеб, пока я тебе хвост не накрутил.

Просыпался Джим медленно, поднимаясь под ласковую шумную колыбельную прямо к звезде. Только сейчас он понял, что уже смотрел на нее какое-то время. Гудел мотор грузовика, теплый воздух врвался через окно, скользил по щеке мальчика и со свистом вырывался обратно. Дядя Эл дошел до середины истории, начало которой Джим уже знал. Джим закрыл глаза и стал слушать с того места, где сейчас рассказывал дядя Эл:

– ...поэтому Зино сделал так, как попросила Сисси, и не написал Эймосу Глассу. Письмо он отправил ему только после того, как мы похоронили Джима и родился ты. В нем Зино не велел Глассу приезжать, так как Сисси горевала, и со здоровьем у нее было плохо, и она не хотела его видеть. Но Эймос, который, вероятно, никогда в жизни не делал того, о чем его просили, однажды в полдень, после обеда, появился в лавке. Он нанял Робли Джентайна, чтобы тот привез его с горы.

– В тот день мы все трое были в лавке: в то лето не было особенно много работы на ферме. И вот тут входит, ковыляя, Эймос, старый как библейский Мафусаил, вместо посоха у него черенок от старой мотыги, и заявляет: «Я Эймос Гласс. Ведите меня к мальчику».

– Зино говорит ему: «Эймос, я написал вам в письме, что Сисси не хочет, чтобы вы видели мальчика». А Эймос в ответ: «Я не собираюсь повторять два раза!»

– И тогда мы встаем все втроем, и Корэн так свободно открывает ящик с выручкой, потому что мы не знаем, что за этим всем последует, и просто потому, что мы не хотим, чтобы

нас еще притесняли на нашей собственной территории, и не только Эймос Гласс, да и кто угодно. Но тут Робли Джентайн, он брат отца твоего папы, поднимается на одну ступеньку и заявляет: «Ребята, постойте, я тут вне игры», – и тут Эймос быстро соображает, на чьей стороне преимущество. Нас-то было трое, а он один – и старый к тому же. Так что он смотрит на нас с минуту, этими его голубыми глазами, и видно, как сам дьявол с ним заодно, но вдруг, совсем неожиданно, Эймос начинает плакать... Вот так просто начинает рыдать прямо посреди магазина и приговаривает: «Моего Джимми больше нет... Моего Джимми больше нет. Пожалуйста, дайте мне посмотреть на мальчика. Пожалуйста, дайте посмотреть на мальчика...»

– И мы не знали тогда, что нам делать. Мы знали, что Сисси убьет нас, если мы приведем в дом Эймоса Гласса, но, с другой стороны, у старика был такой несчастный вид, что сердце разрывалось... И тогда мы попросили Эймоса не падать духом, а подождать минутку, пока мы вернемся и все обсудим... Корэн вспомнил, что Сисси спит – она долгое время после этого много спала днем, и мы решили, что, может, ничего плохого не случится, если мы просто разрешим Эймосу посмотреть через окно.

– И тогда мы привели Эймоса к Зино, взяли у него на крыльце стул. Мы заглянули в окно в комнате Сисси, чтобы убедиться, что она спит. Потом мы все вчетвером – я, Зино, Корэн и Робли Джентайн – поставили Эймоса Гласса на этот стул и держали его, а он смотрел в окно и видел, как ты лежал в кровати рядом с твоей мамой... Это был тот самый единственный раз, когда Эймос тебя видел, и мы слышали, как он шептал: «Джимми, Джимми...»

И Джим улыбнулся, и стал уплывать из рассказа, слушая, как слова уходят все дальше и дальше и опять погружаясь в сон.

Первые яркие солнечные лучи нового дня застали их в опустевшей сельской лавке возле Флоренс. Маленькое, повывавшее виды строение жалось прямо к шоссе, укрываясь под старым дубом, распростершим над ним свои ветви. Одинокая ворона, сидевшая на вершине дерева, улетела, стоило им подъехать на парковку, как будто стремилась сообщить кому-то, что они приехали. Дядя Эл поставил грузовик в тень дерева. Мотор, когда его выключили, тяжело вздохнул в утренней тишине.

Лавка примостилась среди широких полей, заросших репейником, осокой и невысоким можжевельником. Джим знал, появление можжевельника означает, что на земле много лет подряд выращивали хлопок. Теперь земля стала неплодородной, неспособной давать урожай, фермеры, ее обрабатывавшие, ушли, а лавка, в которой они торговали, закрылась. Его дяди никогда не сажали хлопок на одной земле два года подряд и не одобряли фермеров, которые такое допускали.

Дядя Эл снял шляпу и положил ее рядом с собой на сиденье.

– Я собираюсь ненадолго уснуть, – сказал он. – Ты можешь здесь за всем присмотреть, пока я не проснусь?

– Да, сэр.

– В твоих интересах не допустить, чтобы кто-нибудь сюда проник. Если кто-нибудь меня захватит сонного, отвечать придется тебе.

Джим выбрался из грузовика на то место, откуда легче было наблюдать за происходящим. Дверцу грузовика он оставил открытой на всякий случай: вдруг придется быстро запрыгивать обратно. Казалось, что дуб, под которым мальчик стоял, являлся центром хлопковых полей: синяя чаша неба сходилась именно над ним, из-за чего это место обрело особую значимость. Невдалеке к востоку темная линия кустов тянулась вдоль ручья, и не было ни одного предмета, способного привлечь взгляд. Старое строение слегка наклонялось в сторону дуба, будто многое для него зависело от его соседства.

На крыльце лавки Джим обнаружил термометр с рекламой «Ред-Рок Колы», приколотый, словно записка, в центре двери. Он серьезно его изучил; уже сейчас он показывал семьдесят пять градусов по Фаренгейту. «Жарко будет», – произнес Джим исключительно

для того, чтобы как-то себя приободрить. Насколько он знал, будь то бродяги, грабители или призраки – все они прячутся внутри зданий. Это все из-за депрессии. Мама говорит, что это она делает людей подлыми. Джим встал на цыпочки у единственного в помещении окна, набрал полные легкие, что придало ему мужества, и заглянул через стекло. Внутри был прилавок, сделанный из грубых досок, и несколько покосившегося вида полок. И больше ничего. Пока все идет хорошо, подумал Джим.

За лавкой он нашел выцветший череп маленького зверька. Никаких свидетельств о том, кто его убил, обнаружить не удалось, и Джим решил, что виновницей, скорее всего, была змея. Джим подцепил череп концом палки, потыкал палкой в траве возле лавки, но змея ушла незамеченной от его преследования. Дважды он слышал, как по шоссе приближались машины, и оба раза он подбегал и прятался за грузовиком в полной готовности разбудить дядю Эла. Но оба раза машины проезжали, не сбавляя скорости. Джим следил за машинами, пока те не скрывались из виду, желая убедиться, что водители не хотят его провести.

Во Флоренсе дядя Эл спросил, как проехать к плантации мистера Харви Хартселла. У мистера Хартселла был табун бельгийских ломовых лошадей на продажу. Объявление об их продаже дядя Эл нашел в фермерской газете. Дяди всегда использовали мулов при обработке земли, но недавно у дяди Эла появилось желание приобрести хороший табун лошадей. Он сказал, что устал целыми днями разговаривать с мулами. Эти животные, по словам дяди Эла, не всегда говорят правду. Лошади, конечно, не такие сообразительные, но по крайней мере можно верить тому, что они говорят.

Владения мистера Харви Хартселла найти было нетрудно. Они располагались в конце длинной грунтовой дороги, которая приводила путешественников прямо к его плантации. Дом был из красного кирпича, с высокими белыми колоннами и ведущими к верандам лестницами. Располагался он в конце длинной белой дороги из дробленого ракушечника. Дорогу затеняли ореховые деревья, чьи длинные ветви соединялись наверху, образуя прохладный зеленый тоннель, вдоль которого и ехал дядя Эл. Внезапно Джим почувствовал, что он стыдится своего комбинезона, и этой потной полосы на соломенной шляпе дяди Эла, и тех бутербродов с ветчиной, которые они только что съели. Очевидно, плантация мистера Харви Хартселла была не их местом. Дядя Эл долго стучал в высокую двустворчатую дверь дома. Джим был рад, что им никто не открыл.

Вернувшись на главную дорогу, дядя Эл развернул грузовик и поехал к группе располагавшихся поблизости бытовок и фермерских построек. Бытовки, которые они проезжали по пути к главному помещению, казались наглухо запертыми, хотя на крыльце одного из них спала собака, а во дворике другого висело на веревке выстиранное белье. Дядя Эл остановился подле старого грузовика, припаркованного в тени сарая. Он позвал, но ответа не последовало. Однако когда они зашли за сарай, то обнаружили там старика, опиравшегося на беленые ворота загона. В самом загоне лежали две мертвые лошади. На каждой из них сидело по неподвижно застывшему грифу, казалось, птицы ждали одобрения старика. Джим заткнул нос и не разжимал пальцы. Отвратительные красные головы грифов казались свирепыми и уродливыми.

– Привет! – проговорил дядя Эл, глядя на лошадей.

– Привет! – ответил старик.

– Вы – мистер Харви Хартселл?

Старик рассмеялся, будто услышал не вопрос, а нечто очень смешное. Он подмигнул Джиму. Потом спросил:

– Как по-твоему, я похож на Харви Хартселла?

Старик был совсем беззубый. Каждый раз, когда он говорил, щеки у него впадали. Джим не сомневался, что Харви Хартселл не мог быть беззубым.

– Я не знаю, как выглядит Харви Хартселл, – ответил дядя Эл, – но не считаю это поводом для шуток.

Джим внимательно посмотрел на дядю Эла. Он никогда не слышал, чтобы кто-то из его дядей резко отвечал незнакомцам.

Старик, однако, казалось, ничего не заметил. Он заложил большие пальцы под мышки и захолопал руками как крыльями.

– Харви Хартселл выглядит как закоренелый преступник, – сказал старик. – Он вот здесь застрелил этих лошадей, чтобы они не достались банку. Он расстрелял всех животных прямо на месте, и они его забрали под стражу.

– О, боже! – проговорил дядя Эл.

– Все мне теперь говорят, лучше, мол, тебе не тереться вокруг этого места, где мистер Хартселл живет, но я отвечаю, что это теперь совсем не его место. Разве не так? И что он мне теперь за это может сделать? – Подобная мысль, казалось, была приятна старику. Он поставил ногу на нижнюю балку ворот, будто сам был здесь хозяином. – Раньше я работал на мистера Харви Хартселла, но он обманывал меня, не все выплачивал. А когда я ему на это указывал, прогонял меня. А теперь он в тюрьме.

Джим почувствовал, что он на стороне мистера Харви Хартселла, даже несмотря на то, что тот застрелил лошадей, из-за которых дядя Эл проделал весь этот путь.

– Эти лошади его, – продолжал старик, – бельгийские были.

– Бельгийские, – повторил дядя Эл.

Он нагнулся вперед, перелез через ворота и медленно прошел по загону. Один из грифов захолопал своими огромными крыльями, поднялся в воздух и тяжело полетел над полями. Другой гриф лишь только поднял крылья и зашипел на дядю Эла. Через его перья просвечивало солнце. Джим мог бы согласиться, что крылья были красивы, не будь над ними похжей на голову ящерицы головы грифа. Дядя Эл остановился, вытащил из кармана пистолет и направил его на птицу.

– Ох! – вздохнул старик, – пора идти! – Вцепившись в свою шляпу, он шаркающей негибкой походкой заторопился к углу сарая.

Джим отпустил нос и заткнул пальцами уши. Секунду спустя, получше поразмыслив, он снова зажал пальцами нос. Выстрел оказался не таким громким, как мальчик ожидал; на жаре он прозвучал глухо, нераскатисто. Гриф аккуратно свернул крылья на место и сонно свалился с лошади. Тонкая пелена мух на миг поднялась над лошадьёю легкой вуалью, которая, как показалось Джиму, сохранила форму лошади, – но тут же опустилась обратно. Дядя Эл вернул пистолет в карман и прошел туда, где лежали лошади. Только увидев дядю Эла рядом с лошадьёю, Джим понял, насколько они большие. Это были огромные животные, больше любого мула, которого он когда-либо видел. Казалось, что, если бы дядя Эл смог уговорить их подняться и надеть на них сбрую, они смогли бы весь сарай потянуть за собой. Дядя Эл долго смотрел на мертвых лошадей, не обращая никакого внимания на зловонный запах.

Вместо того чтобы повернуть обратно в Элисвилл, дядя Эл из Флоренса поехал в Миртл-Бич. Он сказал, что никогда не видел океан, и подумал, почему бы теперь не посмотреть. Такое поведение для дяди Эла было необычным, так как дома его ждала работа. Но Джима это изменение планов вполне устраивало: он ведь тоже никогда не видел океан.

Шоссе, на которое они вскоре выехали, вело вниз, в прибрежную низину. По обе стороны дороги во многих местах стояла темная вода. Из нее торчали корявые серые деревья, и мох длинными змеями свисал с их веток. Болота осушали черными речками, чьи воды, казалось, застыли без движения, задыхаясь от коряг. Им долго пришлось ехать по этим местам, и Джим был рад, что они не останавливались. Когда дорога выходила из болота, к ней подступали небольшие селения с полуразвалившимися хижинами. Во дворах бегали цыплята и маленькие, грязные дети. Своры собак всевозможных цветов и размеров свирепо вылетали из-под крыльца и играючи преследовали грузовик, щелкая зубами у его шин. Около каждого такого поселения имелись широкие плантации хлопка или табака. Рабочие в соломенных шля-

пах или ярких головных повязках, подняв головы от рядов посадок, рассматривали проезжавший мимо необычный грузовик. Время от времени попадались утопающие в деревьях большие белые дома; они стояли гораздо дальше от дороги. Джим подумал, уж не скупил ли банк и эти места. Тогда их обитателям придется разбежаться по сараям и пастбищам, убивая на своем пути все, что попадется на глаза. Впервые с того момента, как они покинули Элисвилл, Джим почувствовал, что его тянет домой. Хорошо, что он не живет в Южной Каролине, подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.